

Углов Ф. Г.

Ломехузы

Над пропастью

После выхода в свет моей книги «В плену иллюзий», посвящённой борьбе с потреблением алкоголя, прошло немногим более пяти лет. Что же заставляет меня снова взяться за перо?

Сейчас уже все видят, что, пережив период некоторого отрезвления и просветления, наше общество вновь погружается во мрак алкогольного дурмана. Правительство и центральное руководство партии, оставив всякую борьбу за трезвый образ жизни, утвердили небывалый в нашей истории «пьяный» бюджет на 1991 г. Страна поставлена на грань катастрофы в экономическом, экологическом, а главное — в нравственном отношении. И все попытки хоть в какой-то мере поправить положение в стране, при сохранении того же уровня потребления алкоголя, не только не дают никаких результатов, но ещё ухудшают положение. Алкоголь оказывается сильнее всех и вся...

Долгое время, занимаясь алкогольной проблемой, всё больше убеждаюсь: охватившее наш народ пьянство не пришло к нам само по себе — оно насаждалось искусственно. И сегодня наше общество напоминает мне муравейник, в который проникли жучки-ломехузы. Вот что о них пишет Г. Шовен в своей книге «От пчелы до гориллы»: «Ломехузы, проникая в муравейник, откладывают свои яйца в пакеты муравьиного расплода так, что ничего не подозревающие муравьи вскармливают чужое потомство. Между тем личинка обладает незаурядным аппетитом и определённо объедает своих хозяев. При случае она пожирает и муравьиные личинки. Но хозяева их терпят, так как ломехуза всегда готова поднять задние лапки и подставить трихомы — влажные волоски, которые муравей с жадностью облизывает. Он пьёт напиток смерти, так как на волосках — наркотическая жидкость. Привыкая к выделениям трихом, рабочие муравьи обрекают на гибель себя и свой муравейник. Они забывают о превосходно налаженном механизме, о своем крошечном мирке, о тысяче дел, над которыми нужно корпеть до самого конца; для них теперь не существует ничего, кроме проклятых трихом, заставляющих забыть о долге и несущих им смерть. Вскоре они уже не в состоянии передвигаться по своим земным галереям: из их плохо вскормленных личинок выходят муравьи-уроды. Пройдёт немного времени — гнездо ослабеет и исчезнет, а жучки-ломехузы отправятся в соседний муравейник за новыми жертвами». В человеческом обществе у «жучков» имеет место разделение труда: одни подставляют наркотическую жидкость, а другие идеологически обрабатывают трудяг-муравьев, используя находящиеся в их распоряжении печать, телевидение и другие средства массовой информации. Чтобы добиться цели, «ломехузы» очень интенсивно атакуют органы печати. Не избежала этой участи и «Медицинская газета». В ней, например, была помещена небольшая заметка под интригующим названием «Мальчик или девочка». В ней сказано, что диета родителей оказывает большое влияние на пол будущего ребёнка: если родители хотят иметь девочку, то они должны больше есть конфет и других сладостей. Те же, кто предпочитают мальчика, должны больше пить водку и пиво, есть колбасу и селёдку.

С точки зрения науки, более безграмотной заметки не придумаешь, но зато «ломехузы» благодаря такой публикации надеются собрать богатый урожай, ибо могут

не только добиться пьянства родителей, но и получить высокий процент дефективных и умственно отсталых детей.

Они призывают людей пить «умеренно» и «культурно», отлично сознавая, что никаких «умеренных» доз для алкоголя не существует и что все их слова направлены на обман доверчивых людей и на их уничтожение с помощью наркотического яда.

Эти «жучки» разрушая общество, в котором живут и «работают» подобно ломехузам в муравейнике, имеют от своего грязного дела большие барыши, как плату за безнравственность. Не исключена возможность, что среди этих «жучков» есть и идейные экземпляры, которые работают на уничтожение и нравственное разложение живущих в этом человеческом муравейнике, где они, может быть, даже родились и всю жизнь пользовались благами, создаваемыми трудолюбивыми «муравьями». И не случайно научно установленные наркотические вещества — алкоголь и табак — официально, в государственном масштабе, не были признаны у нас таковыми, хотя все мыслящие учёные и все научные учреждения, в том числе и Всемирная организация здравоохранения, без оговорок относят их к наркотикам первой величины.

«Ломехузы» активизировали свою работу в нашем обществе в конце пятидесятых. Но заставить людей пить в то время было не так просто. Насильно в рот вино не вольёшь. В русском народе всё ещё крепко жила традиция, которая выражалась словами: «выпить глоток вина и стыд и грех». Надо было это как-то разрушить. И вот здесь «ломехузы» использовали свою идеологию, которая утверждала: «Да, вино, конечно, вредно, и пить его грешно, но это — если пить много, допьяна. А если умеренно, культурно, то какой от него вред? В малых дозах оно никакого вреда не принесёт, да и греха никакого нет, ведь причащаются же в церкви вином. Весь вопрос в том, чтобы знать меру...»

Эта иезуитская пропаганда сделала своё дело. Слабые люди «клюнули» на эту приманку и начали пить. Кривая душевого потребления круто пошла вверх. Если в 1940 г. и 1950-х гг. душевое потребление в нашей стране было ниже среднемирового, то уже в 1960 г. мы его превзошли, а ещё через двадцать лет — перешагнули двойной мировой уровень. Это означает, что душевое потребление алкоголя перевалило за 10 л.

При этом надо иметь в виду, что в статистике учитывают только напитки, которые продавались в государственных магазинах, совсем не принимая во внимание «кустарный», или «неофициальный» алкоголь, куда входят: самогон, чача, плодово-овощные и виноградные вина, изготавливаемые в домашних и даже в колхозных условиях, а также технический спирт. Выдача технического спирта на предприятиях — один из самых коварных методов спаивания рабочего класса. Вот как об этом рассказывается в книге Т. Б. Дурасовой «Слышу, как стучится беда» (Лениздат, 1989 г.): «В одном из объединений Ленинграда главный механик — назовем его М. — бесконтрольно располагал 21 литром спирта в месяц. Спирт выдавался для промывки сложных механизмов. Однако механизмы спиртом не промывались. Зачистку контактов делали наждачной бумагой. А с помощью спирта решались любые проблемы: снабженческие, организационные, только не технические. Спирт был формой оплаты скрытых сверхурочных работ. Спиртом поощрялся трудовой энтузиазм: «Вы, ребята, хорошо поработайте, а мы вам поставим» — лейтмотив в общении руководителей с рабочими. Чистая случайность, что при таком стимулировании труда ни один рабочий не попал в беду. Впрочем, регулярное пьянствование — это ведь тоже беда.

В узком кругу в служебном кабинете М. спиртом отмечали трудовые достижения коллектива. Все дозволено, все может быть прикрито. Если пьют на производстве одни, то почему бы не пить и другим? И пили. Руководители спаивали своих подчиненных: от этого вывода никуда не денешься.

Спирт являлся эквивалентом различных запасных частей: «Вы нам деталь — мы вам

спирт». «Купили» таким образом даже на другом предприятии листовое железо, редуктор, траки и многое другое. Радуюсь, — выручили родное предприятие — никто не задумывается, что зараза распространяется вокруг, проникая на соседние производства. Понадобились рессоры для электропогрузчика, М. отправился к коллегам на соседний завод. Но коллеги отклонили вариант обмена. Презрев все этические нормы, М. пошел прямо к рабочим кузницы этого завода и непосредственно им сделал своё соблазнительное предложение: «Вы мне рессоры — я вам спирт». И получил рессоры.

Контроль за расходом спирта велся исключительно по журналу. А в журнале все было в идеальном порядке. Липовые расходы документов всегда сходились с приходными. Развращение людей — вот что происходило в широких масштабах. На территории объединения постоянно толклись какие-то подозрительные люди, предлагая то одно, то другое. Естественно, в обмен на спирт...

Со временем порядка не стало совсем. Всё валялось на улице, ржавело. На складах ничего не найдёшь. На суде у М. спросили, отчего непременно надо было выменивать запасные части. «Пока ищешь на складе, дня два-три пройдёт, — ответил он. — Оборудование простаивает. Тут и прогрессивки лишишься».

Где причины, где следствие? Не было порядка в собственном хозяйстве и легче казалось обойтись натуральным обменом, чем поисками у себя. Но если спирт льётся рекой, где тут быть порядку?

Запасные части, приобретаемые столь сомнительным путём, — ворованные. Ворованные детали обменивались на ворованный спирт. А так как посторонним пройти на территорию ничего не стоило, то выменивали на спирт детали, похищенные здесь же.

Самое интересное, что руководители объединения были убеждены в том, что они, как и все, вели у себя борьбу с пьянством.

В конце концов дело кончилось убийством одного из рабочих в пьяной драке».

Технический спирт, как правило, при душевом потреблении не учитывается. Если и его принять во внимание, то оказывается, что «кустарный» хмель, по расчётам как зарубежных, так и наших экономистов и социологов, в целом составляет около 100% к «официальному». Таким образом, фактически душевое потребление у нас составляло 18 — 20 л, то есть в 4 раза превзошло средний мировой уровень.

Об этом ни социологические учреждения, которые обязаны были сигнализировать правительству, ни средства массовой информации не упоминали. Всюду можно было услышать, что с алкогольной проблемой у нас все благополучно.

Одновременно из года в год нарастало количество официальных банкетов, протекавших, как правило, с безудержным потреблением алкоголя, доходившим до безобразия. В этом отношении ни государственные, ни партийные, ни научные учреждения не являлись исключениями. Руководители всех отраслей, ведомств всех уровней отношение к себе и делу оценивали по тому, как подчиненные сумели их угостить. Все ревизии, все обследования превращались в попойки. По уверению тех, кому часто приходилось ездить с ревизией, они буквально были завалены угощениями. При этом часто считалось не чем-то особенным, а нормальным, когда ревизора угостят до невменяемого состояния и уложат в чемодан добрую порцию дорогих сортов вин.

О разгуле пьянства особенно красноречиво свидетельствуют письма, которые я получал после каждой своей статьи в прессе. Мне известно, что подобные письма доходили и до тех, кто управлял страной, от кого зависела эта пьяная вакханалия. Но они никак не реагировали на это всенародное горе: ни словом, ни делом, даже письма оставались, как правило, без ответа. Между тем послания были такие, которые могли бы «растравить» любые, самые очерствелые души, если бы в них сохранилась хоть капля любви к людям. Приведу одно из них.

«Уважаемый товарищ Углов!

Хотела это письмо отправить прямо в ЦК, но я уже писала в «Правду», однако мне даже не ответили. Что же можно ответить, если всё, что я писала, правда. Только не знаю, почему никто не хочет сбросить пелену с глаз. Иной раз мне кажется, что это какое-то вредительство. Ведь никому нет ни до чего дела. А вот недавно мне дали прочесть Ваш доклад на конференции 1981 г. Я очень удивилась, что есть, оказывается, люди, которые борются с этим злом. Поэтому своё письмо, адресованное в ЦК, я пересылаю Вам. Вы академик, Вам поверят, с Вами считаются. Покажите это письмо ЦК или расскажите о нём. Ведь что-то надо предпринять! Ведь то, что творится в стране, — ужасно: и то, что воруют, и то, что не дают план, что делают аварии, что дохнет в совхозах скотина, и все безобразие — от пьянки. И от пьянки разврат, разгул, преступления и даже предательство Родины. Не пишу свою фамилию, боюсь, что выступление против пьянства считается уже преступлением. А зовут меня Клава, хотя уже, слава богу, 54 года».

«Добрый день, дорогие товарищи из ЦК.

Пишу вам всё потому, что скоро съезд партии, потому, что, может быть, среди вас найдутся всё же благоразумные люди и остановят горе, беду, нависшую над нашим русским народом, потому что вы стоите у руля правления и от вас зависит многое. Оглянитесь же, ужаснитесь, помогите, опомнитесь!!!

Я хочу вам написать свою историю. Я вышла замуж за человека, которого любила, но не учла одного, что отец у него пьёт. Муж стал тоже пить. У нас три сына. Наверно, не надо было их рожать. Муж стал пить до скотства. Да и все его друзья так пили или пьют. Мы разошлись. Муж пьяный попал в аварию. Получил травму и умер. Старшие сыновья, Николай и Алёшка, спились. Третьего сына, может быть, я спасу. Он немножко больной. И вот не было войны, а у меня нет мужа и, можно сказать, нет двух сыновей. Лучше было бы, если бы они погибли в армии, с почётом, и была бы вечная слава, а не позор. А кто виноват?

Я не могла их спасти. Сколько ни внушай, ни воспитывай, а толку мало, если вино теперь продают везде, кроме «Детского мира». Во времена Андропова ещё вино не продавалось по субботам, а теперь и по субботам продают. Пей, залейся, умойся этой дрянью — лишь бы ты заплатил. Эти деньги ведь так нужны государству! Какому? Ведь мы социалистическая страна! Опомнитесь! Что говорил Ленин об алкоголизме? — «социализм и алкоголь не совместимы!» А вы считаете себя последователями его! Посмотрите, что творится кругом. Для статистики опишу свою улицу. Живём мы в небольшом рабочем посёлке, где почти все пьют, в том числе и бабы. Число их растёт быстро, и пьют не меньше мужиков

По левой стороне улицы:

1. Семёновы. Муж пьёт до омерзения, матерится, мучает жену. У него растут двое детей, дочь и сын. Какие будут?
2. Петровы. Муж погиб на фронте. Петрова вырастила двух дочерей. Обе несчастны. У обеих мужья пьют. Одна дочь разошлась — двое детей. Другая ещё живет с пьяницей, сама стала пить. Один ребёнок.
3. Андреевы. Старики 60 — 65 лет. Детей нет. Умерли в детстве. Старик попивает, бабка — нет.
4. Лушниковы. Муж погиб на фронте. Двое дочерей. Обе замужем. У обеих мужья-пьяницы. У обеих дочерей дети, уже взрослые, тоже пьют!
5. Дом моего бывшего свекра. Воевал. Умер от ран. Пил безбожно, бил свою жену,

мою свекровь. 2 детей (сыновья). Старший умер в 52 года — типичный алкоголик. Умер от пьянки. Работал в последнее время сторожем в Павлодарской области. Жена его уже неизлечимая алкоголичка. У них два сына. Один типичный алкоголик, второй нормальный, женат, хорошо работает. Про свою семью я уже писала.

По правой стороне:

1. Чудиновы. Муж пьёт до омерзения. Ходит без штанов по улице, бабы плевались. Стрелял в жену, бил стекла и т. д. Все сходило с рук. Почему не сойдёт, когда рядом пьют. Жена не могла рожать. Была часто бита, были выкидыши. Чудинов умер в 54 года. Слава Господу — жена отдохнёт.

2. Петровы (это другие). Пьют оба хорошо. Дети уже взрослые, разъехались кто куда и пьют в других регионах страны. А хозяин по пьянке укусил за ухо соседа — Суханова. Оба валялись после Ленинского субботника под столом.

3. Живут татары: вера исламская, но пьют по-русски. Один сын уехал в Казахстан. Пьёт ли — не знаю.

4. Сухановы. Пьёт сам. Сидел в тюрьме. За поножовщину. Пришёл, снова пьёт и терроризирует семью. Когда у них скандалы, вся улица смотрит как спектакль.

5. Верка. Ей уже 53 года, но для всех она — Верка. Когда пьёт — не надо ходить в оперетту. Бесплатно. Ложится посреди улицы и поёт матерщинные песни. Муж от неё ушёл, дети разъехались.

Вот такая у нас «весёлая» улица, да и посёлок в целом. В посёлке 3 тысячи душ, 30 магазинов. Водку продают во всех, даже в промтоварном. На душу населения, включая стариков, женщин, младенцев, приходится 375 бутылок в год! План гоним будь здоров. Мужикам, кроме пьянки, в основном делать нечего.

И ещё напишу про сестру моей свекрови — Машу. Месяц назад отдала Богу душу. Отмаялась. Муж-алкоголик. Было у них 6 детей. Старший Мишка — пьяница, детей у него нет. Петька умер в 45 лет, оставил после себя двоих ребят, один — дебил. У Стёпки пять детей, двое умерли. Кольку пьяного убили в драке, Зойка — мать-героиня, сама и муж пьют беспробудно. У них 12 детей, двое из них сидят в тюрьме, двое — дебилы. У Нюрки — четверо, двое из них пьют. У Зойки уже шесть внуков.